

Андрей Львович Ливадный

Остров Надежды

Аннотация

Нить судьбы, протянутая через столетия.

Мальчик, девочка и андроид, на кладбище кораблей, дрейфующем в космосе, на месте одной из битв галактической войны.

Как они оказались там? Способны ли выжить, среди непримиримых схваток машин, для которых война не завершится никогда?

Остров Надежды

Пролог.

Недобрые звуки рушились с небес...

Никогда больше он не слышал их, но в подсознании двухлетнего мальчика навсегда запечатлелся оглушающий рев двигателей, грохот осыпающихся камней и тихий, смертный шелест гонимого ветром пепла...

Черные тени настигали его, неумолимые, как перст судьбы. Он бежал на слабеньких ногах и рыдал, пытаясь за слезами скрыться от ужаса, что падал с небес...

Что может быть страшнее этой беспомощности?

Забившись между двух огромных камней, вросших в землю недалеко от поселка, он продолжал плакать, а земля вздрагивала, принимая вес совершивших посадку космических кораблей. Потом среди наступившей оглушающей тишины вдруг прогремело злое стаккато пулеметной очереди, и

все стихло — теперь уже навсегда.

Он перестал плакать, потому что устал. Сил на крик больше не осталось, и лишь его тело часто вздрагивало. Мир изменился. Никто не пришел взять его на руки, согреть своим теплом, накормить и обласкать. Он был еще слишком мал, его сознание только появилось и потому не могло постичь всего ужаса происходящего...

Он сжался в комок. От камней шел холод. Этот холод постепенно захватил крошечное тельце, и оно перестало вздрагивать. Синяя травинка, качающаяся на легком ветру, тяжелые шаги, бряцание металла — вот все, что он запомнил.

И еще была большая обида на теплый мир, ставший вдруг чужим и холодным.

Он не слышал, как спустя некоторое время, с ревом взмыли в небо чужие

корабли.

Он не слышал тишины, укутавшей дымящиеся руины тяжким саваном.

Он медленно и неосознанно покидал этот мир, замерзая меж двух каменных глыб, и синяя травинка, обожженная и сломанная, баюкала его своим мерным покачиванием.

Шел 2607 Галактического календаря.
Человечество рвалось к звездам...

* * *

...Тяжелые сапоги с хрустом давили рифлеными подошвами крошево битого стекла. Ствол импульсной винтовки заглядывал в сумрак разгромленных коридоров, жадно обегал единственным черным глазом разоренные офисы.

— Сволочи... — сорвалось с чьих-то губ тяжелое, как плевок, слово.

Номад Берг устало присел на

пластиковый подоконник.

Колония была уничтожена. Рудники взорваны.

В провалах выбитых окон завывал ветер. Горестное бессилие вдруг накатило на Номада, хотя он и не знал никого из погибших тут людей...

Он закурил, хмуро разглядывая остовы обгорелых механизмов, видневшихся из окна административного здания.

Номад уже пять лет наблюдал, как разгорается пламя Галактической войны. Старый скиталец постоянно находился в движении, перемещаясь из одной звездной системы в другую, и видел, как вторая волна Экспансии, выплеснувшаяся за границы Солнечной системы, разбилась о кольцо колоний.

Четыреста лет колонисты Первого рывка, брошенные Землей на произвол судьбы, боролись за выживание на

чуждых планетах. И вот легендарная альма-матер дала о себе знать. Новые земляне были выходцами с самого дна зловонных клоак перенаселенных мегаполисов. Старая родина действовала в лучших своих традициях. Миллионы не самых любимых ею сынов были вышвырнуты в космос. Земле, исчерпавшей все ресурсы, под благовидным предлогом было необходимо избавиться от них.

Вторая волна космической миграции человечества шла проторенными тропами, ведь силовые линии аномалии космоса не изменились, и в конце пути новые переселенцы неизбежно натыкались на одну из старых колоний.

Так возник конфликт. Цивилизации колоний, на которые обрушилась негаданная беда, не так давно вновь вышли в космос, и теперь лишь некоторые из них пытались защитить

свои миры, используя скудный парк космической техники.

...Номад выкинул окурок и криво усмехнулся, вспомнив, как власти некоторых планет еще не так давно называли их с Эрни преступниками. Видите ли, торгуют чем попало, да еще и уклоняются от налогов!.. Но он просто летает от планеты к планете на собственном, собранном из хлама корабле... Он не убил ни одного человека...

Номад вновь огляделся. Может быть, правы те, кто не желает компромисса?

В чем вина этих людей? Только в том, что они не захотели принять новых колонистов с Земли. Но в Галактике тысячи незаселенных планет. Зачем Земле этот маленький планетоид и доставшийся потом и кровью рудник?

Ответ был очевиден для Номада. Земля опять перенаселена, Солнечная

система напоминает пустой, изъеденный червями орех. Они не будут заселять дикие планеты. Они хотят неплохо жить прямо сейчас...

Он сплюнул, встав с подоконника. Нужно убираться отсюда, пока не прилетели корабли второй волны, которые возьмут в оборот осиротевшие рудники.

Выйдя на улицу, он прищурился от яркого света, падающего за горизонт диска звезды. Его напарник, Эрни Хьюго, в растерянности стоял около двух гранитных валунов.

— Ном, иди сюда! — позвал он.

Берг подошел, машинально озираясь вокруг. Его сильные руки сжимали теплый приклад "АРГ-8". Он не верил этой тишине, ленивым струйкам дыма и мертвым телам.

Безумие охватило Вселенную.

Эрни тяжело и прерывисто дышал.

— Смотри! — выдавил он.

Номад шагнул к валунам, меж которых, скорчившись, лежало тельце ребенка.

Несколько секунд он в шоке смотрел на него, потом наклонился, отложив штурмовую винтовку, и дрожащими пальцами коснулся щеки ребенка. Она чуть дрогнула под его ладонью, и Берг отшатнулся, словно обжегшись.

— Он жив?! — спросил присевший на корточки Эрни.

Номад кивнул, бережно поднимая застывшее тельце.

— Но что... что мы будем с ним делать? Он ведь почти грудной!

Номад не ответил. Он шел к кораблю, суетливо и непривычно прижимая к себе комок плоти, лихорадочно прикидывая, что на борту может послужить ему достаточно удобной постелью...

По щекам старого контрабандиста
текли слезы.

Часть 1. Осколки.

Я видел страх в глазах солдата,
Архангел с ликом сатаны,
Сюда привел меня когда-то.
К осколкам ледяным войны.

И те, кто выжил, будут вечно
Завидовать своим врагам,
Чьи души кружат тут и там,
В безмолвном крике бесконечном...

*« Я мыслю... следовательно -
существую? »*

*Это сказал не я. Я лишь поставил
знак вопроса в конце фразы, немного
изменив ее смысл.*

У меня целый океан времени, чтобы размышлять. Хотя нет. Не океан. Маленькое озеро. Не так глобально, как первое, но вполне достаточно, чтобы утонуть, захлебнуться в запоздалом понимании вещей.

Смешно... Я сижу в тесном загерметизированном отсеке на пустом пластиковом ящике из-под «ИМ-12» и пишу обыкновенным карандашом на обыкновенных листках. У меня нет будущего — я получил смертельную дозу радиации, и вряд ли протяну больше пяти-шести лет... Но даже этот срок кажется мне сейчас преувеличенно большим, если брать в расчет то, что таится в безмолвии вакуума, за хрупкими стенами моего укрытия. Мне смешно и горько потому, что я никогда не испытывал такого спокойствия и такой решимости жить, как сейчас. И никогда с такой

убийственной ясностью я не понимал сущности происходящего.

Я не знаю, к кому обращаюсь — к самому себе или к тебе, человек, который держит в руках мой дневник... Ты мог прийти сюда только по двум причинам — либо ты исследователь, и прошли тысячи лет после моей смерти, либо ты бесстрашен. Если же ни то и ни другое, тогда беги. Знай — вокруг тебя ад. Он создан руками людей. Он — квинтэссенция смерти. И он как в зеркале отражает в себе темные закоулки человеческого сознания.

Впрочем, если ты ступил сюда — решай сам».

Глава 1.

...Сизый, удушливый дым рваными пластами растекался по коридорам и

палубам крейсера «Россия». Флагман флота Свободных Колоний умирал тяжело, как и подобает кораблю его класса. Турбонасосы дико выли, пытаясь очистить удушливый воздух, но их мощности уже не хватало. Повсюду горели красные аварийные сигналы. Многие отсеки не открывались — за их дверьми царил вакуум, ворвавшийся в корабль через десятки пробоин.

Гравитация скакала, как заблагорассудится поврежденным генераторам, и потому продвижение группы десантников по главному коридору крейсера напоминало миграцию стада жабоклювов — люди то взлетали вверх, то падали, опять поднимались, чтобы быть брошенными на стену, и все это среди дыма, криков и беспорядочного огня импульсных винтовок, когда из боковых

ответвлений появлялись штурмовые группы противника... или свои, ищущие спасения.

В этом аду все смешалось...

— Серега, через сотню метров поворот! — проорал Андрей в коммуникатор шлема, одновременно разворачиваясь, чтобы прошить огнем боковой коридор.

— Что там?

Ответ был едва слышен из-за злобного треска статики на электромагнитном компенсаторе его «ИМ-12». Снаряды импульсной винтовки с воем пронесли в теснине транспортного тоннеля, и через секунду из него, как из жерла мортиры, полыхнул огонь, усеяв пол коридора дымящимися обломками.

— Пятый орудийный комплекс... если он еще цел.

— Будем надеяться.

Они продвигались прыжками, спина к спине, поливая из «ИМ-12» боковые коридоры и неуклонно приближаясь к цели. Крейсер еще можно было вывести из боя. Центральный компьютер по-прежнему осуществлял контроль над основными системами корабля, но для перехода в гиперсферу было необходимо остановить бешеный танец маленьких космических истребителей, круживших, как осы, вокруг исполинского крейсера.

На остальных кораблях флота в этот момент происходило примерно то же самое. Битва была проиграна, и теперь судьба десятков планет зависела от того, удастся ли остаткам армады вырваться из кипящей бойни. Никто, в том числе и трое пробивающихся к орудиному комплексу десантников, не сомневался — как только будет покончено с их флотом, крейсера

Земного Альянса вновь ринутся бомбить беззащитные планеты, как уже было однажды, пять лет назад...

Бежавший позади Андрея Курт Шнельхер внезапно споткнулся. Он сам едва устоял на ногах, ухватившись за поручень. Крейсер содрогнулся от очередного удара.

«Фрайг, еще одно попадание!..» — со злобой подумал Андрей. Каждый такой удар уменьшал их шансы вырваться на гипердрайве. Он собирался ринуться дальше, к видневшимся у поворота тоннеля массивным люкам орудийных башен, но в этот момент противоположная стена вдруг налилась темно-вишневым цветом и начала вспухать громадным пузырем.

— O, mein Gott...

Курт был прав. Им, похоже, оставалось только молиться...

Пузырь лопнул, разбрызгивая вокруг капли твердеющего металла. Андрей упал на пол и уцепился за крепежную скобу, чтобы рванувший в отверстие воздушный поток не вынес его в космос.

Смерч декомпрессии бесновался не больше двадцати секунд — он следил за датчиками скафандра, пока не уверился, что в главном коридоре «России» воцарился вакуум. Как только давление иссякло, Андрей вскочил на ноги, и одновременно громадную пробойну заполнил тупой нос автоматического десантного рейдера. Это было худшее, что могло произойти. Он понял, что через несколько секунд в коридор ворвутся штурмовые кибермеханизмы Земного Альянса, и оглянулся.

Сергей уже расставил телескопическую треногу, и Курт

трясущимися руками пристраивал на нее корпус генератора короткоживущей плазмы.

— Беги! — приказал он.

Андрей замялся.

— Выполни! Сбей истребители! — проорал Сергей, спуская гашетку.

Адское пламя заплясало по изуродованному коридору, ослепительным веером расходясь по броне рейдера. Первого появившегося в люке робота разнесло на куски.

Колебаться было бессмысленно, и Андрей побежал вперед.

«Только бы открылся люк», — мысленно молил он, ударяя ладонью по кнопке. Многотонный бронированный овал лениво вздрогнул и пополз в сторону. Эта живучесть боевых систем наполнила его идиотской гордостью за людей,

строивших крейсер. Тот был способен драться даже при критических повреждениях корпуса!..

Внутри орудийной башни горел свет. Андрей рухнул в кресло оператора, одновременно считывая информацию с двух главных мониторов. Накопители шестиствольного лазерного орудия были заряжены энергией. Оно еще не сделало ни одного выстрела. Несколькими переключениями он запустил программу автоматического заградительного огня, оставив на ручном управлении один ствол. Затем подключил толстый жгут интерфейса к своему гермошлему и взглянул на обзорный экран. Люк за спиной закрылся, и отсек стал заполняться воздухом из резервуара башни.

Теперь он сам стал частью орудия. Два сенсорных рычага наводки поднялись от пола, и Андрей привычно

охватил гашетки расслабленными пальцами.

Виртуальная реальность...

Андрею вдруг захотелось рвануть кабель интерфейса, чтобы не видеть тысячи разрозненных точек — все, что осталось от флота Свободных Колоний.

Перед ним раскинулась объемная панорама проигранной битвы. Все данные уже были обработаны компьютером орудия, и он видел мир посредством его видеосенсоров. Зрелище парящих в космосе обломков подавляло разум, но он заставил себя вновь взяться за рычаги, возбуждив в сознании всю злобу, отчаяние и желание жить, что испытал за последние часы.

Орудийная башня вздрогнула — это системы боевого компьютера ориентировали ее в

пространстве. Гулко завибрировали моторы подачи, и электронно-механический мир ожил. Из орудийного погреба эскалатор уже подавал кассеты со снарядами к двум батареям поддержки. Турельные электромагнитные орудия раскрыли диафрагмы сканирующих комплексов, отслеживая траектории истребителей противника.

Андрея пробила короткая дрожь, когда он увидел сигналы «Готовность» на мониторах шести лазерных установок комплекса «Прайд-12». Его возбуждала эта мощь, он становился сильнее, сидя в кресле оператора. И еще он испытывал жгучую горечь. Все смешалось в его душе в короткие секунды подготовки.

Гигантский суппорт плавно начал выдвигать башню в открытый космос. Один за другим оживали боковые

мониторы, по мере того как открывались новые сектора обстрела. И одновременно на многоступенчатых консолях начали расцветать кровавые сигналы. На дисплеях побежали колонки цифр, на доли секунды прерываемые коротким и емким сообщением «ЦЕЛЬ ЗАФИКСИРОВАНА».

Залп.

Визор гермошлема запульсировал. Андрей отчетливо видел разлетающиеся в разные стороны уродливые фрагменты брони уничтоженных "Фантомов". Точки гасли одна за другой, но им на смену появлялись новые. По отсутствию атмосферных выхлопов он понял, что ведет бой с автоматическими истребителями, на борту которых царил вакуум.

Странные вещи порой творит

сознание солдата. Через некоторое время Андрей уже не мог с точностью ответить на вопрос — является ли орудийный комплекс продолжением его воли или же его переполненный адреналином мозг лишь придаток этого бесчувственного, полыхающего огнем электронно-механического монстра.

Датчики накопителей энергии показывали половину боевой емкости. Он взглянул на счетчик снарядов. Орудийные погреба почти опустели. Андрей не поверил и посмотрел на хронометр. Он сражался почти тридцать минут!

В прицеле визора остались только две атакующие точки.

Он машинально коснулся сенсора на вспомогательном пульте, и по системе потоков жидкий азот, охлаждая раскалившиеся отражатели орудий. Откинув забрало гермошлема, Андрей

закрыл глаза и сжал виски. Его трясло. В голове кто-то пролил несколько капель расплавленного свинца. Такова была плата за сверхэффективную нейросенсорную связь с компьютером орудийной башни. В моменты такой жуткой опустошенности он ненавидел машины и равно — создавших их людей. Но боль уходила, и он знал, что его вновь и вновь будет тянуть в рациональный и холодный мир виртуальной реальности.

Но это потом. А пока была страшная усталость и тяжкое отупение.

Андрей заставил себя открыть глаза и вызвать ходовую рубку «России».

Удивительно, но система интеркома работала. На мониторе связи появилось лицо второго вахтенного капитана.

— Пятый орудийный комплекс, лейтенант Воронцов, — устало доложил Андрей. — Сектор космоса

в районе двигателей свободен от штурмовиков противника.

Капитан молчал, словно увидел безумца или выходца с того света.

«Фрайг побери, что должно произойти в рубке, если командир так смотрит на офицера, выполнившего приказ?.. Чем они там заняты?» — мысли роились среди боли и постэффектов боя, а вместе с ними росла злая обида.

— Отвечайте, капитан! — в бешенстве потребовал он.

Офицер молчал, и Андрей понял, что сейчас потеряет всякий контроль над собой. Перед глазами плавало видение изуродованных тел Курта и Сергея. Они отдали жизни, чтобы он прорвался, а этот...

Лицо вахтенного капитана исказила гримаса, в которой были гнев и страх. Животный страх перед какой-то

неизбежностью...

— Поздно... — выдавил он, и от этого голоса мурашки побежали по спине Андрея. — Приготовься к смерти, сынок...

Монитор связи погас. Он сидел, совершенно ошалевший. Что за...

И в этот момент полыхнул СВЕТ.

Иначе это описать невозможно. Подходит только одно слово «СВЕТ». Он вспыхнул со всех сторон, так, что корабли, казалось, отбросили друг на друга резкие черные тени... Как будто гигантская фотовспышка осветила на мгновение происходящую во тьме драку.

Рука Андрея инстинктивно рванулась к пульту, но экраны внезапно залил нестерпимый огонь, раздался треск, в нос ударил специфический запах горячей изоляции... и вдруг все с грохотом и стенаниями рвущегося

металла ухнуло куда-то в бездну...

Воронцов потерял сознание от внезапной перегрузки, но спасительное забытие длилось считанные мгновения. Автоматика боевого скафандра не могла позволить солдату валяться в беспамятстве, когда вокруг кипит бой, и острый укол инъектора сразу же привел его в чувство. К горлу подкатила тошнота от наступившей невесомости, но гораздо хуже было безошибочное ощущение чего-то страшного и непоправимого...

Андрей понял, что орудийную башню оторвало от крейсера.

В такие секунды главное — не потерять голову. Он поочередно включил телескопический обзор, сигнальный маяк и аварийный передатчик.

Тишина... Он еще и еще раз выходил на связь, пока наконец не понял

бесплодности таких попыток.

Его отсек летел куда-то, беспорядочно вращаясь, экран радара был темен и пуст; ни единого шороха в коммуникаторе, ни команд, ни призывов о помощи. Лишь на приборной панели одна за другой вспыхивали красные предупреждающие строки:

«Термоядерный взрыв в пространстве.. Дистанция — три световых секунды. Время — минус семьдесят секунд».

«Вторичное излучение».

«Нагрев обшивки выше допустимого предела на 800 градусов».

«Функции защитного поля не восстановлены».

«Лазерное орудие — порядковый номер 5 — уничтожено».

«Система аварийного жизнеобеспечения включена».

«Ваш отсек преобразован в автономный модуль».

«Рекомендовано поддерживать предельный уровень личной защиты в течение пятидесяти часов».

«Угроза для жизни!»

Последняя надпись назойливо мигала.

* * *

Каждый из нас, прежде чем умереть, должен был сойти с ума. А ведь мы — я имею в виду целое поколение, — миллионы молодых парней на пятидесяти семи колонизированных планетах, — мы выросли, не зная боли и страха. Позже нас называли «саженцами войны»...

Наверное, тому, кто прошел хотя бы одной, самой короткой тропкой этого чудовищного противостояния, уже

невероятно трудно, почти невозможно верить, что мир был иным. Но я помню. Помню беззаботный смех матери, добрые глаза отца... Теплую воду пурпурного океана родной планеты. Помню свое ощущение безграничного покоя и счастья, какое бывает только у маленьких детей. Мир лежал у моих ног, такой огромный, удивительный и теплый. Он был моим.

И так было везде. Планеты, колонизированные в период Великого Исхода, за четыре столетия окрепли, превратившись из диких и враждебных в развитые, цивилизованные миры. Мы были первым поколением, которому не нужно было бороться за выживание... но все наши мечты оказались втоптаны в грязь, смешаны с пеплом, заморожены вакуумом...

Я не обвинитель и не пацифист. Я -

солдат, легализованный государством
убийца, силой обстоятельств
вырванный из порочного круговорота
смерти и брошенный посреди ледяного,
великого ничто подыхать и думать...

* * *

...Два часа назад он был молод и
полон сил, и вот теперь
умирал — медленно и страшно.

Его пересохшие губы что-то
шептали, но за толстым стеклом
гермошлема не было слышно ни звука.

Мониторы внутренней связи
серебрились беспорядочным
мерцанием точек... Многочисленные
консоли управления утратили
многоцветье индикационных сигналов,
экраны потускнели, подсветка панелей
и датчиков погасла. Кибернетическая
система орудийного

комплекса умирала вместе с человеком.

Прошло всего несколько минут после того, как аварийный информ выдал последнее сообщение. Сгоряча Андрей не обратил внимания на суммарную мощность взрыва, да и в любом случае она показалась бы ему нереальной — не было в составе обоих флотов оружия, способного генерировать такую мощность, что зафиксировали датчики, пока он вдруг не почувствовал, как тупая боль принялась выламывать его суставы.

Нет ничего хуже осознания неизбежности. В панике взгляд Андрея заметался по приборным панелям.

Проникающее излучение... Угроза для жизни...

К горлу подступила тошнота. Суставы уже не болели — они пылали, как и все тело...

Андрей понял — приборы не врут и его отсек летит среди бушующего ада тяжелых частиц... и они каждую секунду неслышно пронзают плоть, разрушая клетки...

Ужас сжал его горло ледяными, корявыми пальцами. Андрей вскочил, распахивая створки встроенных шкафов. В глубине одного ровно поблескивал ряд боевых скафандров высшей защиты. Он протянул руку, но в этот момент острая боль пронзила грудную клетку, и он повалился на пол, содрогаясь от внезапного приступа удушья.

И опять острые уколы иньектора вернули его в реальность.

Он никогда не был трусом. И по-настоящему страшно ему стало только сейчас. Страшно и отвратительно умирать...

Он собрал остатки сил и,

приподнявшись, потянул на себя серые защитные оболочки. Гора скафандров накрыла его с головой, ослабляя беспощадный поток ускоренных частиц, и он инстинктивно вполз в самую середину бесформенной груды...

Через несколько минут надежда сменилась отчаянием.

Андрей уже не мог шевелиться — он превратился в беспомощную куклу, в стороннего наблюдателя собственной смерти. Небытие накатывалось на него удушливыми черными провалами, чередующимися с минутами просветления, но и они были полны горячечного бреда. Говорят, перед смертью человек вспоминает жизнь... ничего подобного. Он все еще мучительно переживал свой последний бой...

Боль... Как больно... Его суставы

выкручивало, тело жег огонь. Он хрипел, чувствуя на губах отвратительную, тошнотворную пену и... укол. Сознание в очередной раз взорвалось фейерверком радужных пятен и постепенно погасло, словно он упал в нежные объятия блаженной пустоты...

* * *

Он был... И в то же время не был...
Растерзанное сознание творит странные вещи.
...Огонь. Едкий запах горелой изоляции. Далекие взрывы и дрожь корпуса гигантского космического корабля...
...Черное ничто гиперсферы. Томительное ожидание перед боем. И почти как трубный глас архангела смерти — спасительное избавление

от неизвестности — рев сигналов тревоги.

Они, затаив дыхание, следили, как их флот занимает позиции около мертвого, безымянного планетоида. На его орбите уже находилась исполинская бронированная сфера — станция которая должна была координировать действия сотен кораблей. На ней сейчас находился адмирал, и там же, в штабе флота, был сейчас отец Андрея.

Детекторы уловили возмущения пространства. Что-то пыталось вырваться в трехмерный континуум из адского Ничто, именуемого «гиперсфера»...

Андрей не знал, что это сражение войдет в историю как первый опыт «тактики прокола»... Он никогда не прочтет учебников, написанных для будущих поколений, но ему никогда не забыть, как призрачно-голубые

вспышки гиперпереходов внезапно засверкали прямо среди боевого построения Флота Колоний...

В первой волне шли автоматические корабли-смертники. Около сотни ядерных взрывов расцвели в пространстве, превратив в обломки половину их флота, и вслед за ними, волна за волной, начали появляться боевые крейсера Земного Альянса...

* * *

Сознание возвращалось к нему...

Он обливался потом, извиваясь от боли, пока по-настоящему не позавидовал мертвым.

Андрей возвращался в кошмарную реальность. Но у него больше не было желания жить. Зачем? Он ведь понимал — оторванная от корабля орудийная башня летит в никуда, в

бездну, из которой нет возврата...

Он знал, как прервать эту пытку, но не мог дотянуться до личного оружия — гора скафандров намертво припечатала его к полу. Он захрипел и вдруг почувствовал, как горячие капли текут по щекам. Он не мог даже застрелиться...

Потом сознание вновь начало гаснуть. Его охватила чернота, в которой бешено вращалась светящаяся спираль. Она вкручивалась в воспаленный мозг, неся облегчение, и он тянулся к ней, страстно желая избавиться от непристойности собственной смерти... но тут, в который раз, заработали системы поддержания жизни боевого скафандра.

Зачем?!

Он проклинал пытавшуюся спасти его автоматику... Андрей хотел всего лишь умереть, но система

жизнеобеспечения была в состоянии выжать из замурованного в скафандре солдата все его силы, до последней капли...

Черная бесконечность протянулась из прошлого в будущее.

Спираль то появлялась, то исчезала.

Потом, наконец, наступил абсолютный мрак.